

Чу Лянь помнила всё очень отчетливо.

В 2004 году Е Лицин с отцом уже несколько лет как переехали сюда. Чу Лянь нравилась Е Лицин, но они не были особенно близки — разница в восемь лет для десятилетней Чу Лянь казалась непреодолимой пропастью.

Тогда-то и случилось происшествие с Линь Мэйли.

После перехода в шестой класс классный руководитель заново рассадил учеников, определив Чу Лянь и Линь Мэйли за одну парту.

Линь Мэйли была очень живой девочкой, и Чу Лянь сразу же зачислила ее в категорию хороших подруг и соседок по парте. Позже в эту категорию время от времени попадали и другие люди, но Линь Мэйли была первой. Родители Линь Мэйли держали у проходной сталелитейного завода небольшой лоток — продавали газировку и сладости, и Линь Мэйли часто делилась с Чу Лянь вкусняшками.

После уроков Чу Лянь нередко заходила к Линь Мэйли делать уроки. Семья Линь жила на шестом этаже без лифта, и девочки, запыхавшись, взбирались по лестнице. Родители возвращались поздно, поэтому они сидели за столом, одновременно делая уроки и глядя телевизор. Тогда гремел сериал «Меч и дракон» с Су Юйпэном в главной роли. Линь Мэйли нравилась Чжоу Чжижо, которую играла Гао Юаньюань, но терпеть не могла Чжан Уцзи.

Миллениум уже миновал, в 2001 году Самаранч объявил о победе Пекина в заявке на проведение Олимпиады, и улицы и переулки пестрели надписями «2008», словно это были дорожные знаки, манящие в будущее. Тем не менее многое уже незаметно менялось. Прибыль сталелитейного завода падала, предприятие ждала реорганизация, ведомственная школа переходила в ведение управления образования, мать Чу Лянь сократили, а отец начал подумывать о собственном деле на стороне. Родители все чаще ссорились, но Чу Лянь, как и раньше, после школы с удовольствием бежала с рюкзаком к Линь Мэйли делать уроки.

Пока в один прекрасный день... Позже, вспоминая об этом, Чу Лянь лишь неопределенно говорила, что тогда только-только закончился Новый год и стояла еще сильная холодина. Но на самом деле она помнила все в мельчайших деталях: это было 6 февраля 2004 года, на второй день после начала второго семестра шестого класса, в день выхода новой песни группы SHE «Путешествие, начатое вместе».

Линь Мэйли не пришла в школу. На следующий день ее тоже не было. После занятий Чу Лянь отправилась к ней домой. Родители Линь были дома, ее мать с заплаканными глазами сказала Чу Лянь, что Мэйли больше нет, после чего вытолкала девочку за порог и захлопнула металлическую дверь.

Е Лицин остановилась и, обернувшись, посмотрела на Чу Лянь, ничего не говоря.

В голове у Чу Лянь стояла абсолютная пустота — такая же растерянная, как тогда, когда она услышала от матери Линь, что та «ушла». И все же она изо всех сил постаралась выговорить то, что хотела сказать.

Позже Чу Лянь узнала, что у Линь Мэйли был еще старший брат, учившийся в то время в профтехучилище. Родители Линь были бродягами-нарушителями плановой рождаемости: они скитались из соседней провинции, скрываясь от властей, пока не осели у сталелитейного завода, зарабатывая на жизнь небольшой лавочкой. Шестой этаж, около двадцати метров... Быть может, у Линь Мэйли были и другие невысказанные обиды, а может, она просто поддалась сиюминутному порыву и шагнула в двадцатиметровую бездну.

Вплоть до окончания начальной школы классный руководитель больше никого не подсаживал к Чу Лянь. Парта, принадлежавшая Линь Мэйли, так и пустовала.

Поддавшись какому-то необъяснимому порыву, когда Е Лицин проходила мимо, Чу Лянь внезапно окликнула ее.

Наконец дверь в квартире соседей Линь отворилась, и оттуда вышла доброжелательная на вид бабушка. Она-то и поведала Чу Лянь, что Линь Мэйли выбросилась из окна и покончила с собой. В тот вечер накануне учебного года из-за телевизора у Линь Мэйли с родителями вспыхнула ссора. Переругавшись, эта живая девочка, любившая сладости, сериалы и Чжоу Чжижо, вдруг взобралась на подоконник, распахнула створку и сиганула вниз.

Е Лицин привела Чу Лянь к себе. Чу Лянь уселась за обеденный стол лицом к ряду матрешек, выстроившихся на серванте. Е Лицин предложила ей рассказывать не спеша, и та рассказывала — медленно, хотя говорить, по сути, было не о чем. Лучшая подруга умерла. Это был факт, на осмысление которого требовалось время, но Чу Лянь в ту пору перечитала столько скверных детективных романов, что ей казалось: а вдруг смерть Линь Мэйли таит в себе загадку, вдруг она сможет взглянуть на нее еще разок... Или же она просто хотела, чтобы время замерло в какой-то одной точке, как застывают насекомые в янтаре.

Чу Лянь стояла в одиночестве в тусклом коридоре, ошеломленно переваривая смысл слова «нет». В ее голове крутилась фраза Чжоу Чжижо, обращенная к Чжан Уцзи: «А что, если в душе я перед тобой виновата?», а спина под школьной формой покрылась испариной.

Е Лицин зажгла в гостиной свет. Потолочный светильник светил тускло; подперев подбородок рукой, она внимательно выслушала все, что рассказывала Чу Лянь. Голос Чу Лянь становился все более запинаящимся, пока она наконец не собралась попросить прощения. Она вспомнила, как Е Лицин отказывала незванным гостям, и поняла, что не должна обращаться к ней с подобными требованиями. Е Лицин — всего лишь обычная школьница, она вовсе не какая-то колдунья, способная общаться с духами.

Ей было жалко пачкать носовой платок Е Лицин, поэтому она вытерла слезы рукавом формы, но Е Лицин взяла ее за руку.

Тогда носовые платки уже не были столь распространены — по крайней мере, среди одноклассников Чу Лянь ими никто не пользовался. Все обходились туалетной бумагой, а те, кто был поаккуратнее, носили с собой маленькие пачки салфеток, сложенные аккуратными квадратными стопочками. Впрочем, Чу Лянь помнила, что платок, протянутый Е Лицин, был ослепительно-белым, а на одном из его уголков красовались вышитые диковинные значки. Позже Чу Лянь узнала, что это были три кириллические буквы: Е, И, Е.

— Сестричка Е Цэнь.

Е Лицин на мгновение умолкла, а затем подошла к Чу Лянь, слегка наклонилась и протянула ей носовой платок. Именно в день сороковин Линь Мэйли Чу Лянь, возвращаясь из школы домой, уже собиралась открыть дверь своей квартиры, как вдруг услышала в коридоре мягкие шаги в кожаных туфлях. Она обернулась и увидела Е Лицин, идущую из дальнего конца коридора. В глазах погруженной в уныние Чу Лянь лицо Е Лицин казалось прекрасным и чистым, словно ей вовсе не положено было существовать в этом мире, не положено принадлежать к этому обветшалому, грязному подъезду и к детству Чу Лянь, пахнущему самодельной газировкой с завода металлоизделий.

Она больше не знала, что и сказать. Слезы скатывались из глаз, и это уже совершенно выходило за рамки её первоначального замысла.

Но в те минуты горечь в сердце Чу Лянь была невыразимой, и миллион записанных в дневнике фраз о том, что её хорошая подруга умерла, не могли бы этого исправить. Словно пестрый сказочный мир детства вдруг был жестоко разорван, и она мельком заглянула в окровавленную изнанку реальности — всего один взгляд, после которого уже не было возврата.

Голос у неё был очень приятным, а тон — ровным, словно они просто болтали о погоде, и в этом чувствовалась какая-то утешающая магия. В этот момент Чу Лянь заметила, что Е Лицин держит её за руку, отчего она смутилась и покраснела безо всякой на то причины.

— Зайди ко мне, посидим, поговорим не спеша, ладно?

— Моя соседка по парте... больше нет, — произнесла она. — Я хочу снова увидеть её... К тому же мне кажется, что она, возможно, не кончала жизнь самоубийством, я просто...

Но Е Лицин не стала ей отказывать; она лишь задумчиво посмотрела на Чу Лянь, будто способна была заглянуть ей в душу.

— Ты хочешь снова увидеть её? — спросила она.

Чу Лянь неуверенно кивнула.

— Сможешь проснуться сегодня в полночь? — спросила Е Лицин. — Если сможешь, в

двенадцать приходи ко мне.

В те времена отец Чу Лянь пропадал на заработках сделками в разъездах с друзьями и зачастую не ночевал дома по несколько дней подряд, а мать вечно просиживала ночи напролёт в маджонг-клубе, так что ночевать дома в одиночестве для Чу Лянь не было редкостью. Что же до того, чтобы встать в двенадцать часов — это всего лишь вопрос заведённого будильника, поэтому она принялась усердно кивать.

— Я не помешаю твоему папе? — с беспокойством спросила Чу Лянь.

Е Лицин ответила: Тебе нужно лишь прийти вовремя.

Тогда, в свои двенадцать лет, Чу Лянь должна была понимать, что Е Лицин в некотором роде способна руководить старым Е или даже полностью контролировать его. Но девочка была настолько поглощена этим новым и необычным переживанием, что ей было совсем не до того, чтобы размышлять о подобном.

Поразмыслив об этом позже, если бы Чу Лянь нарушила обещание и не пришла в полночь, быть может, всё последующее вообще никогда бы не произошло. Быть может, Е Лицин навсегда осталась бы в памяти Чу Лянь на той одинокой диаграмме Венна, пока время не покрыло бы её пылью.

Когда ровно в полночь Чу Лянь постучала в дверь квартиры Е Лицин, та открылась мгновенно — казалось, Е Лицин всё это время ждала прямо за ней. В гостиной Е Лицин горел свет, старого Е дома не было.

— Сестричка Сяо Е, — нервно поздоровалась с Е Лицин Чу Лянь.

— Ни о чём не говори и ничего не спрашивай, просто делай то, что я скажу, договорились? — наказала Е Лицин.

Чу Лянь подняла на неё взгляд. Черные, блестящие волосы Е Лицин были заплетены в косу и уложены на затылке, она по-прежнему оставалась такой красивой — до того красивой, что казалась способной завораживать людей, и в своем непонимании Чу Лянь ощутила эту силу очарования. И тогда Чу Лянь кивнула.

Е Лицин выключила свет в гостиной и открыла входную дверь.

— Пойдём, — сказала она.

Чу Лянь торопливо последовала за Е Лицин. В коридоре царил непроглядная тьма. В полночь подавляющее большинство жильцов уже погрузилось в крепкий сон, и весь мир замер в глубокой тишине. Чу Лянь топнула в темном коридоре пару раз, но лампа, реагирующая на

звук, так и не загорелась, впрочем, для этого старого хрущёвского дома подобное было в порядке вещей. Чу Лянь сделала пару быстрых шагов, пытаясь не отстать от Е Лицин...

Чуть впереди забрезчил слабый свет — похоже, барахлил уличный фонарь. Нет, погоди, она же помнила, что только-только вышла из квартиры Е Лицин и даже не успела спуститься вниз, однако обнаружила, что стоит прямо под окнами дома Линь Мэйли. На цементной площадке неподвижно лежала хрупкая фигурка в школьной форме, а рядом с её головой темнело большое пятно грязи, которое при ближайшем рассмотрении оказывалось проступившей кровью.

Чу Лянь вдруг осознала, что это такое.

Линь Мэйли. Линь Мэйли, выбросившаяся из окна.

А где же Е Лицин?

Чу Лянь огляделась по сторонам: вокруг было пусто, вдали ничего нельзя было разобрать, словно воздух наполнился густым туманом. Она перевела взгляд обратно на Линь Мэйли и с удивлением заметила, что лужа крови исчезла.

Чу Лянь подошла ближе, желая рассмотреть всё как следует.

Ей было трудно описать свои тогдашние чувства, но в конечном счёте дело сводилось к одному: ребёнок Чу Лянь с самого детства отличалась бесстрашием...

Под сорокове звуки трения тело Линь Мэйли на земле зашевелилось. Сначала оно двигалось словно марионетка со смещенными суставами, руки и ноги были вывернуты под неестественными углами, но затем они резко встали на место, вернувшись в норму, пока всё не стало выглядеть совершенно обычным.

Где же Е Лицин?

Став свидетелем столь поразительных и жутких перемен в Линь Мэйли, Чу Лянь тем не менее продолжала отвлекаться на поиски Е Лицин. Она пряталась в тумане или скрывалась в темноте... но непременно находилась где-то поблизости.

По мере того как скрип трущихся костей становился всё громче, Линь Мэйли наконец подняла голову от земли. Лицо её было серо-пепельным, зрачки — белыми, точно у потрепанной страшной куклы. Она уставилась на Чу Лянь, и из её горла вырвался хриплый голос:

— ...Я пожалела...

Вот что она произнесла.

Сожалеет ли она о том, что шагнула вниз с высоты?

Чу Лянь в упор смотрела на неё, но не могла вымолвить ни слова.

Линь Мэйли всё ещё пыталась что-то сказать. Ее мертвые глаза были устремлены в какую-то определенную сторону — но вовсе не туда, где стояла Чу Лянь. Её лицо исказилось от ужаса или боли, став поистине пугающим. Такая Линь Мэйли казалась Чу Лянь совершенно чужой: девочка, которая делилась с ней лакомствами и вместе с ней обсуждала сериалы, была мертва, а та, что представала перед ней сейчас, являлась лишь призраком, разделенным с миром живых непреодолимой пропастью.

— Спаси меня.

Чу Лянь услышала голос Линь Мэйли.

<http://bllate.org/book/21516/2207283>